

Владимир Жуков

НЕВЕСТА
ДЛЯ
ХУБЕРТА

трагикомедия

Владимир Жуков
Невеста для Хуберта

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Жуков В. А.

Невеста для Хуберта / В. А. Жуков — «ЛитРес: Самиздат», 2012

По объявлению международного брачного агентства «Счастье без границ» жительница Керчи решила связать свою судьбу с престарелым, но богатым банкиром из Нидерландов. На пути к осуществлению этой мечты не обошлось без испытаний и приключений.

1

Супруги Пшонки, Степан и Эллина, наедине коротали поздний вечер. Она, утонув в кресле, взирала на экран телевизора, переживая за участников телешоу “Любовь с первого взгляда”, а он, лежа на диване, шелестел страницами рекламного еженедельника.

– Живем, моя курочка! – восторженно воскликнул Степан, обратив веселый взор на жену.

– Нет, существуем, как амебы или туфельки, – хмуро ответила она, не разделяя его неожиданного оптимизма. – Чему радуешься? Может, умом тронулся. Чем я тебя, дармоеда, завтра кормить буду? Деньги на исходе, долги за квартиру, электричество и другие услуги, которых нет, растут, как на дрожжах. Того и гляди, в суд потянут, свет вырубят и воду отрежут, а ты зубы скалишь. Поискал бы лучше денежную работу, а то на жалкие гроши скоро ноги протянем.

– Хватит стонать, я ведь не сижу, сложа руки, думаю, как поправить наше материальное положение, – оборвал ее муж. – Заживем мы с тобой скоро, как белые люди, на широкую ногу.

– Мг, сказка про белого бычка, – не разделила его радужных мечтаний Эллина. – Я это слышу уже третий год. С тобой не шибко разгонишься. Другие как-то устраиваются в этой жизни, занимаются бизнесом и коммерцией, строят особняки, покупают иномарки, яхты, ездят за бугор, а ты все ждешь манны небесной. Я совсем обносила, не в чем на люди показаться, обносками довольствуюсь. Об украшениях и косметике уже и не мечтаю. За что мне такое наказание? У других мужья, как мужья, а ты, как чугунная медаль, на шее. Подался бы куда-нибудь на заработки.

– Молчать, женщина! – строго велел он. Супруга притихла, опасаясь взбучки, а Степан продолжил, указывая на страницу. – Ты слезу не пускай, сырость не разводи, а лучше прочитай это объявление.

И сам, не дожидаясь ее реакции, четко прочитал:

– Голландец, семидесяти лет, крупный банкир предлагает руку, сердце, духовное и материальное богатство честной женщине в возрасте от 30 до 38 лет. Подробное письмо с цветной фотографией, номером телефона и обратным адресом ускорят долгожданную встречу и брачный союз. Обращаться в МБА «Счастье без границ» по адресу... А тебе тридцать шесть, в самый раз.

– И что с того? Мало ли кто, кому предлагает сердце и руку. Ты мне тоже когда-то обещал на руках носить, подарками и цветами одаривать, а что я от тебя имею, живу, как нищенка, – упрекнула она.

– Это алчные и бездарные политики виноваты, развалили великую страну, создали ситуацию при которой, если не украдешь или кого-то не обманешь, то не проживешь, – вздохнул Пшонка. – Тебе, курочка, грех жаловаться, я неплохо зарабатывал, когда ходил по морям и океанам, добывая рыбу. Только ты деньги по ветру пускала на всякие там побрякушки, кулоны, сережки, кольца...

– Эти побрякушки сейчас нас кормят, сдаю в скупку и получаю рубли, – возразила Эллина. – Слава тебе Господи, пока еще на панель не пошла. Что до объявления, так Пушкин, любитель женщин, правильно сказал: любви все возрасты покорны. Люди, особенно сейчас, мечтают в поисках счастья, пытаются схватить за хвост жар-птицу.

– Птичка моя, ты меня не так поняла или прикидываешься глупой? – обиделся Степан. – Я нашел гениальный способ быстрого обогащения, меня осенила оригинальная идея. Мы обязаны воплотить ее в жизнь.

– Странно, что ты еще способен на идеи, – усмехнулась она. – У тебя же одна извилина и та от фуражки.

– Не смей так говорить, я – мыслитель и у меня в голове достаточно серого вещества, – сообщил он. – Интеллект еще не иссяк. Даже, когда не у дел, сижу с приятелем в «Волне», «Дарах моря» или в «Айсберге», моя мысль все равно работает, как часы.

– Да, серости тебе не занимать. За стаканом вина или водки, конечно, лезут в голову шальные мысли, – упрекнула жена. – И что же на сей раз, твоя голова выдала на-гора?

– В этих заведениях я бываю редко, разве что по большим праздникам, когда деньги водятся, а их катастрофически не хватает, – посетовал супруг. – А суть моей идеи такая. Ты обратила внимание, что голландцу семьдесят лет, не сорок и даже не пятьдесят. Для мужчины это довольно почтенный, предельный возраст, когда как сказал поэт, пора бранные пожитки собирать.

Прикинь, сколько он еще может протянуть? Год, два? Допустим, пять. Впрочем, есть много способов, не обязательно криминальных, чтобы раньше срока отправить его к праотцам, в лучший из миров. Например, в зависимости от уровня кровяного давления, добавлять ему в пищу сосудорасширяющие или наоборот сужающие медпрепараты. Гляди, через полгода или год окочурится. Туда ему и дорога. Сейчас сердечнососудистые болезни прогрессируют, поэтому кончина буржуа ни у кого не вызовет подозрений. На одного кровососа меньше будет.

– Степ, сдался тебе этот голландец, – перебила его Эллина. – Пусть человек живет столько, сколько ему богом отпущено. Только всевышний, даровавший ему жизнь, в любой момент вправе призвать к себе. Судя по объявлению, этот старик не бедствует, живет в свое удовольствие, ищет подругу и явно не собирается в последний путь...

– Вот именно, не бедствует, живет в свое удовольствие, – с азартом заметил супруг. – Пусть поделится с ближним человеком, чтобы и нам был прок от его богатства. Почему кто-то с жиру бесится, баб для забав по всему свету ищет, а мы должны ломать голову над тем, чем завтра требуху набить. У меня душа болит за справедливость. Пусть по-братски поделится.

– Каким образом? Он кто тебе родня: брат, дядя? – отвела взгляд от экрана Эллина. – Или может, решил у него милостыню, гуманитарную помощь попросить? Лучше играй в национальную лотерею, может миллион рублей выиграешь.

– Держи карман шире, я с государством ни в какие азартные игры не играю, все равно надуют, – произнес он. – Вклады на сберкнижке, тютю-тютю сгорели и никто за эту аферу не ответил. А с голландцем можно лихо повернуть операцию. Видишь, он согласен разделить судьбу с русской женщиной, обещает духовное и материальное богатство. Значит на большее, как мужчина, уже не способен и поэтому не опасен. Все-таки, семьдесят лет, какие там могут быть страсти? Я так думаю, что ты вполне подходишь, старик обрадуется.

– Степ, что это тебе в голову взбрело? – насторожилась супруга. – У тебя точно крыша поехала. Ах, сутенер несчастный, родную жену за бутылку водки готов продать. Я – замужняя женщина, а не путана, у нас взрослая дочь, как ты ей в глаза будешь смотреть после этого?

– Успокойся, дорогая, не горячись, – остановил Степан. – Давай к этой идеи отнесемся не эмоционально, а философски, даже сугубо прагматически. Ты ведь ничем не рискуешь. Благодаря этому голландцу, который от избытка евро или долларов, как мешок трещит по швам, мы сможем поправить свое бедственное материальное положение. К тому же нашу любимую дочку Анжелу надо на какие-то гроши учить. Это только на словах образование бесплатное, без валюты ей до диплома не добраться. Ректоры, доценты, кандидаты и доктора наук, вшивые ассистенты тоже вкусно поест и хорошо выпить не прочь. Да и другие расходы, тебе о них лучше знать – модная одежда, обувь, косметика, не в обносках же Анжеле ходить. Так что хорошенько подумай.

Другие девицы и женщины в Турцию, Испанию, Германию на заработки уезжают и возвращаются домой с валютой. Почему бы и тебе не попытать счастья, не совершить приятное путешествие в Голландию, не полюбоваться экзотикой?

– Спасибо, муженек, дождалась благодарности за любовь и заботу. Известно, каким способом за бугром женщинам достается валюта, – не на шутку разошлась Эллина. – Значит, по-твоему, я ничем не рискую?

– Конечно, не рискуешь, – невозмутимо ответил Степан. – Он же старец и не намерен покушаться на твоё целомудрие. Ему нужна сиделка, служанка, чтобы горшки и плевательницы выносила. Если бы он жаждал любви, то так бы и написал, как это делают другие, что гарантирует своей избраннице пылкую любовь. А наша главная задача выкачать из него, как можно больше, денежек – долларов или евро. При этом ты ничем не рискуешь. Бери пример с молодых девчат, они за кордон табунами едут. Устраиваются работать официантками, нянями, танцовщицами и возвращаются богатыми невестами, с валютой.

– В борделях они, на панелях трудятся, – возразила Эллина. – Глупых красоток сутенеры сказками о красивой жизни за рубеж заманивают. Там своих официантов и танцоров хватает, а наши красавицы удовлетворяют прихоти жирных буржуев, попадают в сексуальное рабство.

– Тебе это не грозит, ты уже в возрасте, не котируешься, – заметил Степан. – К тому же, не на работу устраиваешься, а выходишь замуж за богатого капиталиста, станешь госпожой с прислугой. Это я рискую остаться без горячо любимой жены.

– Чем же ты рискуешь?

– Вдруг тебе там понравится, решишь остаться с этим голландцем. Не зря ведь сказывают: любовь зла, полюбишь и козла.

– Я боюсь, что ты здесь без меня сопьешься и загуляешь, – возразила она. – В любом деле существует риск, о котором мы не подозреваем. Неизвестно, на что способен голландец? Там, на Западе, они откормленные и здоровые, как быки, даже в семьдесят лет, ни то, что у наших алкашей в сорок-пятьдесят лет. Буржуи не страдают от импотенции и способны зачать дитя. Вдруг он захочет от меня ребеночка?

– Это категорически исключено, – всполошился Пшонка.

– С виагрой и импазой, все возможно. Как только у тебя язык повернулся мне такое предложить? Отдать собственную жену в сексуальное рабство.

– Не от хорошей жизни, поневоле, – смущенно прошептал Степан. – К сожалению, от восьмидесятилетних иностранцев заявлений нет. Поэтому надо полагать, что в этом возрасте их женщины уже не волнуют.

– Дай-ка мне газету, – Эллина поднялась из кресла. – Я сама погляжу, кто там еще претендует на руку и сердце. А то первому встречному готов уступить жену.

– Эля, мы должны радикально изменить свою жизнь, иначе нищета будет постоянным яблоком раздора, – констатировал он. – Когда на счету каждая копейка, то не до нежностей и пылкой любви. Это только в сказках для глупцов пишут, что с милой рай в шалаше. Без денег злыдни берут за горло...

– Легко сказать, изменить жизнь, когда половина прожита, – вздохнула Пшонка.

– Так я тебе и предлагаю попытать счастья, вдруг повезет. Вспомни, сколько лет на моей шее сидела, в специальном магазине «Альбатрос» за валюту отоваривалась, когда я в загранку на судах «Югрыбпоиска» ходил, – напомнил супруг. – Но единый и нерушимый Союз рухнул, рыбацкий флот разорили, очутился на мели. Хоть сигнал SOS подавай. Теперь твоя очередь ляжку тянуть. Бери пример с той лягушки, которая, попав в кувшин со сметаной, сбила масло...

– Однако, какой ты хитрый, – возразила жена. – Я значит, как проклятая будут трудиться, а ты это масло намажешь на хлеб и слопаешь с черной или красной икрой.

– Не зли, не раздражай меня, Элка! – повысил он голос. – Сейчас мы в такой ситуации, что рады и кабачковой икре. Мне самому много не надо, я ведь о тебе, глупая, забочусь, а ты этого своими куриными мозгами, не хочешь понять. Тебе не придется пахать по черному, ведь Голландия – не Африка, а просвещенная и цивилизованная Европа, где к женщинам культур-

ное отношение. Будешь у иностранца жить, как у бога за пазухой, и мне по «Вестерн-юнион» валюту пересылать.

– Решил, значит, альфонсом стать? – упрекнула Эллина.

– Я буду копить валюту, положу на депозит в банке.

– Ой-ой, люди добрые, держите меня! – схватилась женщина за живот. – Ты же все спустишь. Я знаю твою любимую присказку: водка без пива – деньги на ветер. Сколько ты уже пустил денег по ветру? На машину бы хватило.

– Нет, Элка, как только ты решишься обвести вокруг пальца голландца, я тут же закодируюсь у нарколога и до твоего возвращения – н грамма во рту, ни градуса в глазу.

– Зарекался кувшин по воду ходить, – заметила она.

После первой бурной реакции на идею супруга, женщина успокоилась, ее даже заинтриговало его предложение. Пшонка послушно отдал ей развернутые страницы еженедельника.

– О-о, да здесь много и других вариантов! – улыбнулась она. – Почему ты от меня утаил шестидесятитрехлетнего австрийца с горячим сердцем и большим состоянием или пятидесятилетнего французского бизнесмена? Другие слишком молоды и запросы у них на юных девиц ...

– У тех претендентов большой резерв времени, поэтому полезут к тебе в постель, чтобы оставить наследника, и это разрушит наши планы, – пояснил муж. – А с семидесятилетним стариком легче потом развестись, прихватив его состояние. Обвинишь его в половом бессилии или слабоумии и возвратишься ко мне богатой женщиной, а может, переберусь к тебе на постоянное место жительства, чтобы не околеть с голоду.

– Нет, Степ, так не пойдет. Лучше я тебе поищу состоятельную иностранку, – предложила Эллина. – Будешь при ней, как сыр в масле кататься, да и нам с Анжелой что-нибудь перепадет.

– Не с моим суконным рылом в калашный ряд, – безнадежно махнул рукой супруг. – Не получится из меня ни бургера, ни аристократа. Не тот менталитет. Я – простой советский пролетарий, а нынче временно безработный. Верно, сказано: рожденный ползать, летать не может.

– Ты, наверное, боишься, что с мужскими функциями не справишься, – усмехнулась она. – Сухопарые иностранки очень темпераментны и сладострастны, не знают меры. Заездят, как вороного коня.

– Проблем не будет, ты же меня знаешь, курочка, – оживился муж. – В этом деле я неутомим, как Гришка Распутин. А при хороших харчах, да спиртных напитках – горы сверну.

– Ну, ладно распетушился гладиатор, – потеплела Эллина, припомнив хмельные ночи и прошелестев газетой, сообщила. – А вот от иностранок объявлений нет. Видно у них своих мужиков достаточно, а у наших забулдыг репутация слишком подмоченная. Пьют, гуляют на стороне, безобразничают.

– Почему же тогда наши женщины пользуются таким большим успехом? – озадачился он.

– Потому, что очень покладистые, выносливы, неприхотливы, терпеливы и к тому же очень красивы, – отозвалась супруга. – Обходятся сами, без прислуги, ласковы, не капризны. Все привыкли делать своими руками. Отличаются покорностью и супружеской верностью. А в Европе и в других странах отношение к сексу легкомысленное, вот иностранцы и норовят заполучить такую преданную подругу. Ты же меня сам провоцируешь на измену.

– Так он же старец. Я до таких лет так точно не доживу.

– Вдруг он извращенец и заставит меня удовлетворять его прихоти и капризы? – озадачила Степана своим предположением.

– Никаких прихотей и секса. Будешь возле него вроде горничной! – приказал супруг. – От интимной близости уклоняйся любым способом. Мол, плохое настроение, боли по женской части.

– Тогда он меня в первую же ночь выставит за двери, – резонно заметила Эллина. – Церемониться буржуй не станет. Как говорится, баба с воза, кобыле легче.

– Да, верно, – почесал затылок Степан.

– Я вот что думаю, может этот голландец, действительно немощный и решил заманить какую-нибудь дурнушку, чтобы выносила из-под него горшок или утку? – выдвинула она неожиданную версию. – Ты же знаешь, какая я брезгливая. Мне станет дурно от его испражнений. Я потому и в лаборатории отказалась работать, что не возиться с мочой и калом. Не в противогазе же за ним ухаживать и ублажать его старческие капризы.

– Что ж, ради будущего благополучия придется потерпеть, – посочувствовал Степан. – Это даже лучше, отпадет всякая угроза сексуальных домогательств. Несколько месяцев похлопочешь возле него, накопишь приличную сумму денег и домой. Заживем мы с тобой припеваючи. Анжелу доучим и удачно выдадим замуж. Между прочим, подберешь ей там богатого жениха. Решайся родная, ты моя единственная надежда и опора. Нельзя, непростительно упускать такой шанс. Он выпадает один раз в жизни. Соперницы могут опередить.

– Вдруг я ему не понравлюсь или он окажется страшным, как Квазимодо? – засомневалась она.

– С лица воду не пить, – напомнил Степан. – Для мужчины красота не главное достоинство, был бы у него солидный капитал, да не оказался бы скрягой, иначе нашим планам – труба! А насчет внешности у тебя все в норме. Ты даже очень привлекательна: красивое лицо, умные ласковые глаза и губки бантиком, девичья фигура. Голландцы обожают блондинок, поэтому успех тебе гарантирован. Мне даже жаль тебя одну отпускать. Будет грустно и одиноко без тебя. Ты не сможешь вообразить этой душевной драмы. Пожалуй, тебе там будет легче перенести разлуку, чем мне здесь, голодному и обездоленному.

– Ладно, артист, не набивай себе цену, – оборвала она его монолог.

– Там тебя ждет столько ярких впечатлений, – позавидовал он. – Капиталисты, накопив кучу денег, под старость любят путешествовать. Вот и покатаешься с ним по всему свету – Европа, Америка, Африка, Азия, а может, и в Австралию махнете. Людей, разноцветных аборигенов, увидишь и себя покажешь. По такому случаю, он обязательно оденет тебя, как королеву, с ног до головы.

Последний аргумент на Эллину возымел магическое действие. Она на миг вообразила себя в роскошных одеждах среди чернокожих аборигенов и красочной экзотики дальних стран, где никогда не бывает снега, растут пальмы, бананы, кричат бабуины и порхают большие, как ворона, разноцветные попугаи и бабочки.

– А может рискнуть, где наше добро не пропадало? – загорелась она энтузиазмом. – Ездят ведь девушки и женщины на заработки в Турцию, Италию, Грецию, Испанию, Польшу и другие страны. Возвращаются женщины отель довольные, шикарно одетыми, с долларами и евро, а чем я хуже. Дома ничего не высидишь, а годы, как птицы летят. Попытка, не пытка, правда, Степ?

– Конечно, правда! – обрадовался он, не ожидая такой развязки. – Ты у меня умница, очень сообразительная. У нас все получится в лучшем виде, заживем, как белые люди. Я тогда в рот не возьму эту дешевую паленую водку или самогон. Только коньяк, виски, бренди, ром или ликер, а для тебя шампанское «Кристалл», «Новый Свет», цветы и шоколад.

– Раскатал губу, тебе бы только нахлестаться, а там трава не расти, – упрекнула она.

– Все завязал морским узлом, с сегодняшнего дня ни в одном глазу, – пообещал он. – Разве что, когда ты уедешь к этому старцу, пригублю из-за тоски о тебе. Все легче на сердце станет.

– Знаю я твою тоску, – бросила она недоверчивый взгляд. – Может, специально решил за бугор сплавить. Меня, значит, за порог, а в дом молодую кралю. Убью, если последнюю мебель, кровать-диван, расшатаете. Прогоню на раскладушку.

– Что ты, драматизируешь, я у тебя верный, – обиделся Пшонка. – Ты лучше, как следует, подготовься к встрече с голландцем, чтобы не предстать слишком дремучей. Затем вместе сочиним трогательное письмо, чтобы его сердце слезами омылось и стало щедрым и ласковым. Кстати, что ты знаешь о Голландии, чем она знаменита?

– Тюльпанами, ветряными мельницами, сыром и проститутками, что на улице Красных фонарей. Недавно об этом телефильм показывали, – лихо ответила Элина.

– Для начала недурно, – похвалил он. – Но этого явно недостаточно. Надо знать историю, культуру, традиции и знаменитостей этой страны. Советую почитать на досуге.

Степан подошел к книжной полке, отыскал книгу в мягком переплете и подал ее жене.

– Нидерланды, – прочитала Элина на обложке и с недоумением произнесла. – Но ведь я, кажется, собираюсь в Голландию?

– Во, деревня Васильки! Так это и есть Голландия, – рассмеялся он.

– Неужели? – удивилась она. – Никогда бы не подумала. Степ, а как я там буду жить, не зная языка. Молчать, что ли, как мумия?

– Это его проблемы. Если решил жениться на русской красавице, то пусть денно и ночью изучает великий и могучий язык или нанимает переводчика, – ответил супруг. – Если же не сможет овладеть, то у тебя, когда разбогатеешь и приберешь к рукам его имущество, появится веский аргумент обвинить его в склерозе, старческом маразме и расторгнут брак. Дай Бог, чтобы он к тому времени загнулся, а все богатство к тебе перешло. Если хорошо там устроишься, получишь гражданство, то и мы с Анжелой к тебе переберемся. Вот тогда и займемся изучением голландского языка. Петр I смог же, работая на верфях, овладеть им и у нас интеллекта, серого вещества хватит. Хоть остаток лет проживем в достатке, не считая жалкие гроши. Я построю ветряную мельницу, буду зерно молотить.

– Степ, раз мечтался, а я ведь замужем, имею дочку. Как быть со штампом ЗАГСа в паспорте? – напомнила жена.

– Пустяки. Эту проблему можно решить двумя способами, – произнес он. – Напишешь заявление о потере паспорта. Конечно, придется заплатить штраф и дать на лапу паспортистке, чтобы забыла поставить штамп о регистрации брака и ты свободная женщина. А если этот номер не пройдет, то официально разведемся. Временно, конечно, пока ты за этим “божьем одуванчиком” будешь ухаживать. А потом восстановим наш брачный союз и он, после таких испытаний станет еще прочнее. Думаю, что проблем с разводом не возникнет. Анжеле уже девятнадцать лет, на совместно нажитое имущество и жилплощадь претензий выдвигать не буду. Но сначала надо узнать, что за фрукт этот голландец? Сочиним и отправим письмо,ждемся ответа и вперед с песней! Главное – диктовать свои условия, не отдавать инициативу в его руки и все будет о, кей.

– Что-то тревожно, беспокойно на душе. Вдруг этот жених аферист или маньяк? – вздохнула она. – Красивыми обещаниями заманивает в свои сети легковверных, наивных женщин, наслаждается ими, а когда надоедают, сдает в дома терпимости или выгоняет на улицу Красных фонарей?

– Никакого риска, кто же старух примет в дома терпимости, разве что в богадельню, – возразил Степан. – Туда подбирают шестнадцатилетних, двадцатилетних девиц, причем ни кого попало, а топ-моделей, победительниц конкурсов красоты. А ты почитай, дама бальзаковского возраста, поэтому панель тебе не угрожает. К тому же запомни, кто не рискует, тот не пьет шампанское. А мы с тобой не только будем пить шампанское, но и коньяк «Наполеон» или «Жан-Жак», заедавая черной и красной икрой.

– Степ, мы же не знаем, где он живет? – спохватилась Элина.

– Наверняка, в Амстердаме, Гааге или в Роттердаме, – предположил Пшонка. – Будешь там вести светский, праздный образ жизни, посещать театры, музеи, выставки. Там этих заведений предостаточно. Голландия богата знаменитостями, имена художников Рембрандта, Вам

Гога и других известны всему миру. Да, ты там, имея уйму свободного времени, можешь стать искусствоведам по части живописи.

– Вдруг он фермер. Живет где-нибудь на хуторе, имеет стадо коров или свиней. Заставит меня в навозе копать, доить коров и варить сыр, делать колбасы и коптить сало... Лучше конечно тюльпаны или картофель выращивать, чем в хлеву ковыряться.

– Курочка, у тебя фантазия неисчерпаемая, – пожурил он жену. – В объявлении, ведь ясно написано, что он предлагает духовное и материальное богатство. Зачем ему на старости лет коровы, овцы, а тем более свиньи, от которых "ароматы" за три версты. У них в магазинах полки от разных продуктов ломятся. А если даже и придется немного поработать на ферме, что в принципе исключено, я не вижу ничего в этом зазорного. Ты трудолюбива и не избалована, здоровье еще не подорвано, поэтому вполне справишься. Докажешь, что русская женщина лучшая в мире, ей любые трудности по плечу.

К тому же, работа на свежем воздухе полезна, бодрит, омолаживает тело и душу. Осмотришься и приберешь к рукам его бизнес, будь то производство сыра, пива или выращивание тюльпанов. Зато потом будешь в цветах и роскоши купаться. Впрочем, не будем гадать на кофейной гуще. Сейчас уже поздно, пора нам устроить праздник своим чувствам, а завтра с утра сочиним письмецо. Он, наверное, заждался, только бы успеть, чтобы его инфаркт или инсульт не свалил, тогда делу – труба! Битый час на него потратили, пусть ему там, в Голландии, икнется.

2

Утром Эллина отыскала в старом пакете десятка три зерен, смолола и заварила кофе. Его бодрящий аромат поплыл по комнате. Она пригубила чашечку и поставила на стол. Степан довольствовался крутой заваркой низкосортного грузинского чая. Эллина взяла чистый лист бумаги, ручку.

– Итак, приступим, – на мгновение призадумалась. – Как к нему лучше обратиться? Месье, сэръ или господин? Имя его нам пока неизвестно. Чтобы не получилось, как Ванька Жуков писал письмо дедушке на деревню. Засмеют ведь и в корзину выбросят.

– Да, незадача? – согласился Степан. – Но месье – это француз, сэръ – англичанин. А к голландцам принято обращаться – херь ...

– Звучит неприлично, еще обидится, – возразила жена.

– Ты, пожалуй, права. Тогда пиши так, – он сделал паузу и продолжил. – Уважаемый господин! К сожалению, я не знаю вашего имени-отчества, но очень желаю разделить с вами свою судьбу, переехать на постоянное место жительства в прекрасную Голландию, о которой мечтала с детства. Бесконечно рада, что эта мечта, возможно, скоро осуществится. Мне – 36 лет, но выгляжу и чувствую себя гораздо моложе, лет на 20, не больше. Зодиакальный знак – Весы, значит спокойная, уравновешенная. Замужем не была, девушка, добрая, общительная, послушная. Я – не белоручка, а трудолюбивая блондинка, среднего роста и нормальной упитанности.

– Упитанности? Мг, что я, какое-то животное? – возмутилась Эллина.

– Тогда запиши так “среднего роста и полноты”, – согласился он с ее убедительным доводом.

– Степ, получается, что я старая дева, сохранившая невинность? – оторвала она ручку от бумаги.

– Он, что проверять твою невинность будет? – отозвался он вопросом на ее тревогу. – Ты ведь не собираешься с ним спать?

– Конечно, нет, я тебе верна до гроба перед совестью и богом, – пообещала она, скромно опустив ресницы и по-девичьи зардевшись. – Может, как пишут в газетах, точно указать свой рост, вес, размер талии и бедер, цвет глаз?

– Укажи еще размер бюстгальтера, – съязвил он. – Зачем старцу нужны твои габариты и прелести, ты ведь не в бордель поступаешь?

– Вдруг его это интересует? – не уступала она.

– Достаточно будет твоей фотографии, – ответил Степан и велел. – Пиши дальше, по профессии я медсестра, безболезненно делаю инъекции, ставлю банки, горчичники и клизмы, поэтому заботливый уход, необходимые процедуры вам гарантированы. Жизнь моя здесь протекает однообразно: серые будни, дом, работа и так каждый день, никаких культурных развлечений и праздников для души.

Я – женщина строгих правил, со здоровой психикой, со скромными потребностями и без больших претензий и амбиций. Но, увы, уже много лет страдаю из-за одиночества, не могу найти достойного спутника жизни. Сердце мне подсказывает, что именно вы – мой доблестный рыцарь Айвенго, которого я столько лет ждала, сохранив верность, предчувствуя нашу встречу. Господь вознаградил меня за долготерпение. Я не избалована, имею навыки в кулинарии и ведении домашнего хозяйства... – диктовал он, войдя в азарт.

Эллина оборвала рукописную вязь, с укоризной взглянула на супруга.

– Степ, а может не надо о кулинарии и домашнем хозяйстве напоминать? – спросила она. – Я сыта по горло тем, что ты меня свел до положения кухарки, посудомойки. Он ведь не прислугу нанимает, а жену выбирает. Следует знать себе цену и сохранять достоинство...

– Ничего, ничего, – остановил он ее жестом. – Послушное теля двух маток сосет или у тебя другие планы? С порога к старцу в постель?

– Ты у меня единственный.

– Тогда пусть остается, как написала, – велел Степан. – Надо хитро действовать как в каратэ, сначала поддашься, расслабишь старика, а затем проявишь свой характер. Дашь ему понять, что ты не дворовая девка на побегушках, не позволишь на себе воду возить, не служанка, а госпожа.

– Будь, по-твоему, – согласилась Эллина.

– А теперь надо что-нибудь о твоих увлечениях, хобби черкануть.

Пшонка взял с полки книжку “Нидерланды”, открыл ее, задерживая взгляд на цветных иллюстрациях с изображением архитектурных достопримечательностей – зданий Генеральных штатов, парламента, ратуши, королевского дворца.

Углубился в текст и, спустя несколько минут, произнес:

– Пиши. Я равнодушна к истории, культуре и искусству. Люблю посещать музеи, театры, картинные галереи, восхищена живописными полотнами голландских художников. Мечтаю увидеть полотно знаменитого Рембрандта “Ночной дозор”, картины других мастеров кисти. Горжусь трудом ваших мужественных соотечественников, борющихся с морской стихией, возводящих грандиозные дамбы. Буду искренне вам благодарна, мой добрый избранник, если покажите мне знаменитый городок Мадуродам.

Со светлой надеждой и большим интересом жду встречи с вами и страной тюльпанов, сыра и ветряных мельниц (о девицах на улице Красных фонарей решили умолчать). Теплый привет из солнечного Крыма. Верная и преданная вам Эллина Макаровна Пшонка.

– И все? – подняла она голову от бумаги, поставив точку.

– Нет, запиши еще номер квартирного телефона для контакта. Номера мобильных телефонов, пока засвечивать не следует, – произнес Степан и пояснил. – Письмо не сразу попадет в руки голландца, а через посредника. Я так полагаю, через его полномочного представителя или консула. Иностранцы во всех делах осторожны. Сломя голову, не лезут, поэтому и нам надо держать ухо востро, чтобы не пронюхали о нашей идее. Ты у меня острая на язык, но

смотри, ничего лишнего не ляпни. Прежде чем, что-то сказать или написать, хорошенько подумай своей тыквой.

– Не учи ученого, съешь пшена толченого, – фыркнула Эллина. Вложила свою лучшую цветную фотографию. Положила лист с текстом в конверт, тщательно заклеила. Аккуратно написала отмеченный в объявлении адрес.

– Я сам отнесу его на почту, – произнес Степан, наклеив для надежности еще одну марку. – И будем, как говорится, ждать до первой звезды. Когда получим ответ из агентства, займусь твоим паспортом, чтобы комар носа не подточил.

– Степ, мне бы надо приодеться, прихорошиться, не в дырявых же сапогах и лохмотьях, как нищенка, к нему ехать, в самолет не пустят, подумают, что бомжа, – посетовала она. – Встречают ведь по одежке, а провожаю по уму. С умом у меня все в порядке, а вот с гардеробом не густо ...

– За какие шиши?! – вспыхнул Степан. – Если бы у нас с тобой была куча валюты, сто лет бы нам не нужен был этот озабоченный голландец. Пусть он тебя встречает по уму, а одежду сам справит.

И пожалел о резкости, увидел, что жена обиделась, отвернулась к нему спиной, прихлебывая остывший жидкий кофе.

– Ладно, не дуйся, как мышь на крупу, что-нибудь придумаем. На барахолке, секунд-хенд есть неплохие вещи из той же Голландии. Безвыходных ситуаций не бывает. Я, к счастью, еще не разучился принимать нестандартные решения.

– Если я уеду, как же ты без меня, плоть, ведь требует? – выложила она последний аргумент.

– Потерплю, завяжу морским узлом. Не сомневайся, ты у меня единственная и неповторимая.

– Так я и поверила, – усмехнулась женщина. – Кто повариху Надьку в рейсах по очереди с другими рыбаками разминал? Мне об этом Францевна все уши прожужжала.

– Кто, кто? Капитан и его первый помощник, тайный агент на КГБ. Их специально в экипаж внедряли, чтобы никто из рыбаков за бугор не сбежал – с досадой пояснил Степан. – Пойми, на борту не меньше сотни членов экипажа и всего три бабы. До рядовых моряков очередь не доходила, по полгода сидели на голодном пайке. Поэтому твоя торговка Францевна зря языком чешет, рядовым членам профсоюза ничего не перепадало. И потом было не до баб, за сутки так с тралами и рыбой намаешься, что без всякого шторма с ног валишься. Мне, опытному мореману, не привыкать, пятнадцать лет на промыслах корячился, в штормах, словно вобла, просолился и закалился.

– Зарекался кувшин по воду ходить, – напомнила Эллина.

Пшонка взял со стола конверт, оделся в заношенную куртку, нахлобучив на голову шапку из овчины, вышел из квартиры.

3

Дня через три в квартире прозвучал телефонный звонок. Эллина в это время хлопотала на кухне. Степан поднял трубку.

– Слушаю, – произнес он с металлом в голосе и с опозданием осознал, что допустил оплошность, ведь по резкому звонку не трудно было догадаться, что междугородка.

– Вас беспокоит представитель международного брачного агентства «Счастье без границ», – прозвучал приятный мужской тенор и с явной настороженностью поинтересовался. – Это квартира Эллины Макаровны Пшонки? Я не ошибся?

– Не ошиблись.

– Странно, ведь в полученном нами письме она сообщила, что незамужняя, девица и страдает от одиночества и тоски, ищет достойного спутника жизни?

– Конечно, холостячка, старая дева, страдает от одиночества и тоски, ищет достойного жениха, – подтвердил Степан и быстро сообразил. – Вы не сомневайтесь насчет ее нравственности. Я, ее двоюродный брат, приехал по телеграмме из Ростова, чтобы присмотреть за жильем, пока сестрица будет в Голландии. Квартиру без присмотра оставлять опасно, того и гляди, домушники обворуют, потому и примчался. Сестра у меня добрая, ласковая, как не помочь.

– Могу поговорить с ней?

– Без проблем, – ответил Пшонка, довольный тем, что ловко удалось выпутаться из неожиданной ситуации, и громко позвал. – Сестрица, Эллина, тебя к телефону по объявлению.

– Что отвечать? – прошептала она в замешательстве.

– Слушай, не торопись с ответом, я назвался твоим двоюродным братом. Приехал из Ростова по твоей телеграмме, – тихо пояснил он, прикрыв микрофон ладонью. – Больше нежности и доброты в голосе.

– Слушаю вас, – взяв трубку, произнесла она, как можно мягче.

– Добрый вечер, Эллина Макаровна. Меня зовут Вилен Ильич, я – главный агент международного брачного агентства «Счастье без границ».

– Добрый, очень замечательный день, – с волнением отозвалась она.

– Ваше прекрасное, искренне письмо и фотография, которые мы разместили на сайте в Интернете, произвели на жениха неизгладимое впечатление, – сообщил он и вкрадчиво польстил. – У вас очень редкое и красивое имя. Звучит, как на флейте, волшебная музыка Эдли-на-а...

– Разве редкое? Знаменитую актрису Быстрицкую тоже зовут Эллиной.

– Возможно, ее назвали в вашу честь? – пошутил он.

– Не знаю? – медленно соображая, ступевалась Пшонка. – Она намного старше меня. Снималась в кино, когда я еще ходила в детский сад.

– Впрочем, это не столь важно, Главное, что вы красивая, сексапильная, непорочная девица. В старые времена таких недотрог называли девами, – пояснил главный агент. – Ваше преимущество в том, что моложе не только Быстрицкой, но и претендующих на вашу руку состоятельных женихов, в том числе и банкира из Нидерландов. Лишь увидел ваше фото и прочитал письмо в переводе на английский язык, и сразу обомлел, понял, что нашел свою судьбу.

– Обомлел? Он же меня не видел? – удивилась Эллина.

– По Интернету отправили ему вашу фотографию и, он, не мешкая, сделал выбор. Теперь ваша очередь выбирать жениха. Не советую отдавать руку и сердце первому встречному. Следует знать себе цену, поторговаться, тогда больше станут уважать и беречь. Вдруг внешне не подойдет, ведь о вкусах не спорят.

– Где и когда я смогу его увидеть? Он прилетел в офис?

– Ну, что вы, душечка, – рассмеялся Вилен Ильич. – У банкира каждая минута на счету, ведь время – деньги. Это вам предстоит совершить незабываемое, романтическое путешествие в страну, как вы точно заметили, тюльпанов, сыра и ветряных мельниц. Встретит, как принцессу. Банкир предоставил свое фото. Импозантный господин. Лоб не узкий, как у бабуина, а высокий, сократовский, что свидетельствует о высоком интеллекте. Среди лобастых личностей немало великих людей.

– Я об этом знаю, Гениальность, талант зависят от объема, веса головного мозга, – с явным удовольствием блеснула она познаниями.

– Совершенно с вами согласен, головной мозг важнее спинного, – заметил главный агент и выдал очередную дозу комплимента. – У вас, Эллина Макаровна, незаурядные литературные способности. Жених согласен на встречу. Для этого вам надо прибыть в наше международное брачное агентство. Здесь мы оформим загранпаспорт, получим визу и приобретем для вас

билет на Амстердам. При себе необходимо иметь паспорт, не менее четырехсот долларов на дорожные расходы и личные вещи.

– Четыреста долларов?!

– Разрешено и больше, не только в долларах, но в евро и рублях,– ответил он.– Пусть вас это не огорчает, затраты минимальные, будут возмещены сторицей, с лихвой. Недели вам на сборы хватит?

– Хватит,– не подумав, ответила, забыв о том, что предстоит раздобыть паспорт без штампа о регистрации брака, а теперь еще и валюту.

– Не затягивайте с прибытием. Недостатка в претендентках на сердце богатого голландца нет. Такой шанс выпадает очень редко, – предупредил Вилен Ильич. – До скорой встречи.

Пшонка порывалась удовлетворить свое любопытство, узнать, как зовут и в каком городе живет жених, но связь оборвалась.

– Нагородил ты, Степ, проблем,– словно манекен, замерла она с трубкой в руке. – Новый паспорт, четыреста долларов и неделя на сборы? Вертись, муженек, это твоя затея, заварил кашу, сам ее и расхлебывай.

– М-да-а? Птичка моя, – почесал он затылок, ища оптимальные варианты.– Имитируешь потерю и получишь новый паспорт без штампа о браке. Использую старые связи. А вот с поиском долларов придется покрутиться. Впрочем, Эврика! На днях старпом Кирилл Чабан из Лас–Пальмаса прилетел с валютой. Мы с ним в «Реанимации» пару часов знатно посидели.

– В какой еще реанимации? Ты вроде здоров?– испугалась Эллина.

– Так рыбаки промеж себя кафетерий «Коралл», что в микрорайоне Марат, называют, – пояснил супруг.– Там они после большого бодуна свое подорванное здоровье водочкой, вином и пивом поправляют. Так вот, он проявил щедрость и похвастался, что рейс оказался удачным. Я не спросил, сколько он “зелени” привез, бестактно залазить в чужой карман. Но думаю, что не откажет в шестистах долларах. За новый паспорт придется нужному человеку дать на лапу и тебе перед дорогой придется. Кирюхе, когда был при деньгах, я не один раз помогал, поэтому он не откажет, войдет в положение.

Конечно, я ему о наших планах ни гу-гу. Скажу, что занимаю валюту на кормежку и оплату коммунальных услуг. Если вдруг упрется рогом или его жену жаба задавит, то придется у других одалживать, но тогда под большие проценты. Где наше не пропадало. Думаю, что старпом поможет, для него честь и совесть – не пустой звук. Все будет о, кей.. Готовься, наводи марафет, макияж, щеки румянами мажь, чисти свои перышки. Надо пустить пыль в глаза за границе, показать, что мы тоже не лыком шиты и не пальцем сделаны ...

– Степ, он, ну, этот главный агент Вилен Ильич, тоже знает, что Голландия славится тюльпанами, сыром и ветряными мельницами...

– Он забыл добавить валютными бабами, которые обитают на улице Красных фонарей, – просветил супруг.

– Откуда ты знаешь? – насторожилась Эллина.

– Знаю и баста!

– Наверное, пользовался их услугами, когда траулер заходил в порт, – осенила ее догадка. – Значит, изменял мне напропалую.

– Если бы после нескольких месяцев на промысле, когда кровь в жилах закипает, захотел бы «разгрузиться», то не получилось бы, – вздохнул бывалый рыбак.

– Почему?

– По кочану! Первый помощник капитана нас от себя ни на шаг не отпускал, чтобы не опорочили облик советского человека. Запрещено было употреблять спиртные напитки, а с иностранками общаться тем более. Ты же знаешь, что в СССР секса не было. Первый помощник по заданию КГБ следил за тем, чтобы нас не завербовали западные спецслужбы. В общем, пас, как чабан отару овец.

Это сейчас, когда настужь открыли «железный занавес», вольному воля. Поезжай на все четыре стороны, только бы валюты было вдоволь. Вот заработаем на банкире и всей семьей отправимся в круиз. Насмотришься разной экзотики. Ты ведь дальше Крыма свой нос не показывала?

– Да, так получилось, – вздохнула она. – На кукурузнике в Симферополь довелось два или три раза летать, а на больших самолетах – ни разу. Что-то мне не по себе становится, как только представлю, что, не зная языка, окажусь в чужой стране.

– Банкир, наверняка, русский язык знает, – утешил Степан. – Если нет, то у него под рукой переводчик. Тебе придется лишь улыбаться, изображать умную девушку. Ты у меня прирожденная актриса. Не трусь, Элка, выше голову и хвост трубой, все у нас получится.

– Тебе легко мечтать, рассуждать. Не придется лететь к черту на кулички.

– Кто не рискует, тот не пьет шампанское.

– За чужой счет каждый горазд, напиться. Эх, нам бы их капитал и возможности, – вздохнула Эллина и призналась. – Меня настораживает большая разница в возрасте. Не афера ли с этим объявлением?

– Тридцать лет, пустяки, – развеял он ее тревогу. – Я знаю одного старого чудака, так он женился на девушке с разницей в сорок лет, почитай, на внучке. Правда, она от него после медового месяца сбежала, но факт остается фактом.

– Это же инцест, кровосмешение? – возмутилась жена. – От таких браков рождаются калеки с разными патологиями...

– Она ему не родственница, – сообщил Степан. – Хоть и месяц, но потешил свое самолюбие, насладился юным телом.

– Чего только на белом свете не бывает, поэтому и называют его грешным, – вздохнула Пшонка. – Помилуй и сохрани нас, Господь, от напастей, одари нас лучше счастьем...

Фортуна им не изменила. Все получилось, как надо – старпом не подвел, дал в кредит семьсот долларов, новый паспорт оформили в рекордный срок. Эллину немного приодели в меховые сапожки и недорогое бывшее в употреблении пальто с норковым, кое-где изъеденным молью каракулевым воротником.

– Степ, может про запас занять долларов триста у соседки Тамары Батрак? У нее валюта водится, недаром в Турцию и Польшу мотается за барахлом, – предложила супруга.

– Упаси Господь с этой базарной бабой связываться, – возразил супруг. – Начнет приставать, зачем да для кого? Она ушлая, без нотариально заверенной расписки не даст. А затем, если просрочим возврат долга, то не будет покоя, по судам затаскает. Мой кореш Кирюха под честное рыбацкое слово без всяких возражений и расписок валюту дал. А бабы себе на уме.

– Пожалуй, ты прав. Тамара мне тоже не нравится за длинный и острый язык, – призналась Эллина. – Любит в чужие дела совать нос, поэтому я отказалась от предложения вместе спекулировать на рынке тряпками, памперсами, бижутерией и турецким золотом. Всех осуждает, срамит, считая лишь себя праведной и справедливой. Горя и сплетен не оберешься.

– Вот именно, – подтвердил Степан, редко соглашавшийся с женой, и обнадежил. – Голландец тебе на радостях соболью или норковую шубу подарит, кольцо с бриллиантами, перстни с рубинами и изумрудами. У него, коль решил жениться на русской бабе, евро и доллары куры не клюют. Мучается, страдает из-за того, что не знает, что с ними делать. Мы быстро найдем им применение. У нас столько проблем, где тонко, там и рвется.

Пшонка подвела тушью ресницы, навела на щеках румяны, а губы очертила алой помадой. Освободилась от термобигудей и светло-каштановые волосы локонами обрамили ее голову. Степан с удивлением и восторгом произнес:

– Ох, ты, птичка моя, да ты у меня, красавица писаная! Глаз не отвести. Что ж ты раньше так не чепурилась? У голландца голова пойдет кругом, слюни потекут. Жаль тебя отпускать. Чувствую сердцем, что он от тебя не отстанет, пока не согрешишь.

– Степ, может, я никуда не поеду? Сердце не лежит и какое-то смутное предчувствие?– призналась жена.

– Нет, лапушка, поезжай, поздно назад пятками идти, поезд тронулся. Решено окончательно и бесповоротно, – твердо сказал супруг. – С болью в сердце отпускаю, но другого эффективного способа выбраться из нищеты, стать белыми людьми, у нас нет. Воровать, тащить в дом, где что плохо и хорошо лежит, мы не приучены, совесть не позволяет. Помощи ждать не откуда. Что твоя, что моя родня – нищета, донашивают обноски социализма. Сами смотрят, как бы у нас что-нибудь из одежды, обуви или харчей на халяву урвать. Поезжай, я за тебя буду молиться, и ждать валютных переводов...

– Знаю, какой из тебя праведник, – усмехнулась она. – Запьешь здесь по-черному без моего присмотра.

– Не без того, только по большим праздникам, я ведь не мумия, а живой человек с земными потребностями. Требуется разрядка от тоски и стрессов, а спирт – самое лучшее лекарство.

– Баб и собутыльников не смей в дом приводить, а то последние вещи вынесут, – наставляла она, рассматривая свое лицо в позеленевшем по краям зеркале старого трюмо. – Если только узнаю, что ты здесь устроил притон, публичный дом, то брошу все, вернусь и устрою тебе большую порку. Выгоню из квартиры к чертовой матери.

– Не от хорошей жизни я вынужден мыкаться, – вздохнул Степан. – Чтобы меня не затянула трясина, регулярно, не реже месяца переводы мне по 100, а лучше 200 евро и тогда порядок будет обеспечен.

– Ты что, рехнулся, такую сумму на одного?! Слишком жирно. Сколько же тогда мне останется?

– Не жадничай, ты же у голландца будешь, как королева, на полном обеспечении, – заметил он. – Только шибко не объедайся, знай меру, сохраняй фигуру, чтобы не превратилась в жирную Хавронью, как те американки или европейки на хот-догах и гамбургерах.

– Я знаю меру. Ох, Степ, мягко ты стелешь, да жестко спать, – возразила Эллина. – О чем угодно, легко помечтать, а как оно там, на самом деле получится, одному Богу известно. Вдруг он меня покарает за ложь, что я, замужняя женщина, прикинулась невинной, чтобы голландца облапошить?

– Потом, когда дело свершится, вместе грехи замолим, и Господь все простит. Многие так поступают и живут припеваючи, греша и тут же перед иконами замаливая грехи.

– Одно дело, когда человек грешит, заблуждается по недомыслию, а другое, когда со злым умыслом, сознательно, – промолвила жена.

– В том твоей вины нет. Политики, депутаты и чиновники, довели людей и страну до такого мерзкого состояния. Люди бегут за рубеж, словно крысы с тонущего корабля на заработки в страны дальнего зарубежья. Нет на жуликов и казнокрадов, захвативших власть, Сталина или Берия. Всех бы поставил к стенке и пустил в расход. Меньше народа, больше кислорода...

– Ладно, Степ, не рви сердце, словами и слезами делу не поможешь. Вдруг нам на сей раз, фортуна улыбнется, – с надеждой заявила супруга.

– Дай-то Боже! Чувствую, что это наш звездный час! – воодушевился он. – Ты – мой ангел-хранитель, последняя надежда на лучшую жизнь. Надуем голландца и заживем, как белые люди.

Пшонка призадумался о чем-то и продолжил:

– Сказывают, что в давние времена, перед тем, как оправиться в поход или плавание, воины и моряки надевали на своих жен или любовниц кожаные «пояса верности», чтобы те не занимались блудом. Может и нам что-нибудь подобное придумать?

– Еще чего не хватало, – возмутилась Эллина. – Голландец же меня сразу выставит за порог за такой «сюрприз».

– Да с ним надо ухо держать востро, – Степан почесал небритый затылок. – Но ты под любым предлогом отказывай ему в плотских удовольствиях. Ссылайся на болячки, критические дни, на перемену климата и вообще. Тяни кота за хвост.

– Степ, но ведь так долго продолжаться не может, он заподозрит неладное, станет силой брать?

– Выкручивайся, как можешь, но сохрани мне верность, чтобы никто не посмел сделать из меня рогоносца! – твердо с нескрываемой угрозой заявил супруг. – Устроишься и не скромничай, сразу же возьми буржуа за жабры. Потребуй аванс в пятьсот, нет... в тысячу евро, а может и больше, не обеднеет. Половину перешли мне по Вестерн-юнион, .

– Степ, ты мне уже все уши прожужжал с этим Вестерн-юнионом, – упрекнула Эллина.

– Что же ты, душечка, хотела. Самой в роскоши купаться, из золотой посуды питаться, – перебил он ее, довольный неожиданно удачной рифмой. – Не для того я тебя от сердца, от тела своего отрываю, чтобы ты там шикавала, а я здесь от голода пух.

Он выдержал паузу, пристально глядя на супругу, пытаясь проникнуть в ее сознание и разгадать коварный замысел. Потом продолжил:

– Может ты решила меня и дочку кинуть и связать свою судьбу с голландцем. Выкусишь, этот номер у тебя не пройдет. Из-под земли достану.

– Дурья твоя башка, у меня вообще нет желание ехать, черт знает куда? – призналась женщина. – Ты подумал о том куда, на какой счет я тебе буду валюту отправлять? Может, «дедушке на деревню». Почитай чеховский рассказ.

– Читал, когда в школе учился, – ответил и призадумался он. – У тебя Эллка котелок хорошо варит. Как же я об этом не подумал. Понадеялся на почту, а она нынче плохо работает. Мошенники валюту перехватят. Ты права, надо срочно открыть валютный счет в каком-нибудь коммерческом банке. Эх, опять непредвиденные расходы. Придется пожертвовать несколькими бутылками самогона и пива.

– Меньше выпьешь, здоровее будешь, – заметила она.

– Если ты такая хитро-мудрая, то посоветуй, в каком банке лучше всего открыть счет?

– В агропромышленном банке, к нему больше доверия, банкротство не грозит, – сообщила Эллина.

– Может в Приватбанке?

– Там сплошь и рядом засели ушлые евреи.

– Так это и есть гарантия. Они не станут разорять свой банк! – с оптимизмом изрек он.

Не мешкая, отправился в офис банка, размещенный вблизи межрейсового дома рыбаков и ресторана «Меридиан» по улице Свердлова. Через час с довольной миной возвратился домой.

– Открыл счет? – спросила супруга.

– Да, – отозвался он, показал пластиковую карточку и пожаловался. – Заразы, не хотели открывать счет, пока не положил на него пять евро.

– Откуда валюта? – насторожилась она. – У тебя же деньги, как вода, не держатся, Уходят на пойло, постоянно квасишь с собутыльниками. То ты их угощаешь, то они тебя, поэтому не просыхаешь.

– Приберег на черный день, вот и пригодились. А насчет пойла, то твердо решил завязать. Ты не сомневайся, я хозяин своего слова.

– Эх, зарекался кувшин по воду ходить, – вздохнула Эллина. – Боюсь, что всю валюту на алкоголь и баб просадишь. Буду тебе переводить лишь на питание и оплату коммунальных услуг. Не броди по кабакам, а ищи работу, хотя бы сторожем или дворником.

– Выкусишь, я – потомственный рыбак и свято дорожу морской честью. Восемь раз пересек экватор, а ты сухопутная баба, ни одного раза не пересекла.

– Мг, нашел, чем гордиться, когда это было? Теперь ты тоже на берегу баклуши бьешь.
– Все равно, никто не заставит меня, дуть в свисток и ходить с метлой и совком, собирая мусор. Я себе цену знаю, не зря храню полный чемодан почетных грамот и дипломов.

– Эх, кому они теперь нужны. – махнула жена рукой.

Степан отдал ей ксерокопию с реквизитами банка и личного валютного счета. Оригинал оставил себе и велел:

– На этот счет будешь переводить евро, а я их сниму карточкой в банкомате или в офисе. Чудеса техники. Когда-то денежные переводы по телеграфу считались вершиной технических достижений, а нынче Интернет творит чудеса. Только ты не задерживай с переводами. Два-три раза в месяц напоминай о себе, а если крупную сумму, например пятьсот или тысяча евро, то можно и один раз.

– Не жирно ли будет? При дармовых деньгах квартиру в притон превратишь, от алкашей и баб прохода не будет.

– Не трусь, Элка, положу на депозит и когда возвратишься, купим особняк, виллу на берегу моря или на острове Тузла построим, купим иномарку.

– Раскатал губы, недаром говорят, что дурак думкою богатеет, – усмехнулась женщина. – Предполагаю, что у Хуберта нет печатного станка. Он деньги на ветер пускать не станет.

– У банкиров валюты вдоволь, куры не клюют, – возразил Пшонка. Эллина свернула лист бумаги с отпечатанными реквизитами и счетом Степана вчетверо и положила между страниц паспорта.

– Гляди, не потеряй, береги, как зеницу ока, – приказал супруг.

4

Наступил день отъезда. Эллина вскипятила на газовой плите воду, приняла душ. Собрала самые лучшие платья, блузки, кофты и юбки, сапожки, туфли и босоножки, купленные в ту пору, когда Степан промышлял рыболовством и зарабатывал «боны», на которые она отоваривалась импортом в спецмагазине «Альбатрос». Сложила сменное белье, бигуди, полупустую косметичку, губную помаду, тушь для ресниц в старый потертый чемодан с позеленевшими бляшками на уголках. Тщательно утрамбовала, чтобы закрыть замки.

– Гляжу, почти весь гардероб в чемодан упаковала, словно на бал-маскарад собралась, – ревностно заметил Пшонка. – Уж не задумала ли там навсегда остаться под боком у недорезанного буржуя, а меня с дочкой оставить на произвол судьбы-злодейки?

– Степ, подумай, если я перед ним предстану нищенкой, то выгонит в шею. Надо ему пыль в глаза пустить, – выдала Эллина убедительный аргумент.

– Согласен, а вот золотой перстенок и серьги с рубинами, что я тебе подарил на день рождения,ними, оставь дома. Они тебе там ни к чему. Банкир тебе диадему или ожерелье на радостях купит.

– Выкусишь! Я сниму, а ты их загонишь в ломбард или спекулянтам на рынке, а деньги с собутыльниками потратишь. Даже и не помышляй, драгоценности останутся со мной. Это единственная память и утешение о счастливой молодости, – твердо заявила она.

Зная ее строптивый, упертый характер, он не стал настаивать. «Игра стоит свеч. Недельку как-нибудь перекантуюсь, перехвачу деньжат у корешей, а потом начнутся поступления по Вестерн-юнион и заживу припеваючи на широкую ногу, – с теплотой в сердце подумал он. – Когда ходил на траулерах в загранку, я ее кормил и поил, а теперь пусть Элка узнает почем фунт хлеба. Ничего, выдюжит, здоровая бабенка. Если все пойдет, как задумали, то голландец долго не протянет и она, как законная жена иностранца станет хозяйкой всего его имущества. Какие богатства свалятся на наши головы. Это же уму непостижимо! У меня не голова, а Дом советов. Такую гениальную операцию придумал».

Глуловато-наивная улыбка проявилась на его лице.

– Чему радуешь? Жена уезжает, а ему все по барабану, – упрекнула женщина.

– Грущу, сожалею, но не показываю виду, чтобы не расплакаться. Я же не кисейная барышня, а мужик, закаленный морями и штормами.

– Так я тебе и поверила.

– Надо бы посидеть на дорожку, как полагается, чтобы тебе, точнее, нам повезло. Доставай-ка свое НЗ, – с виноватым видом наблюдал за ее сборами, предложил супруг.

– Откуда тебе известно о НЗ?

– Ты же у меня запасливая, всегда что-то приберегаешь на праздник или «пожарный случай».

– Прямо экстрасенс, ясновидец, – усмехнулась Эллина. Зашла в туалет и достала спрятанную от Степана в сливной бачок бутылку марочного вина Мускат. Вытерла салфеткой и поставила на стол.

– Полгода хранила к своему дню рождения, – сообщила женщина. – Похоже на то, что теперь придется его отмечать в Голландии, будь она неладная... Ох, не лежит у меня сердце к этому путешествию.

– Не говори так. Постучи по дереву и сплюнь через плечо, – велел он и пояснил. – У моряков и рыбаков есть такая примета: как корабль назовешь, так он и поплывет.

Эллина, отчасти суеверная, легонько стукнула ладонью по дверному косяку и плюнула через левое плечо.

– Полный порядок, – одобрил, несмотря на предстоящую разлуку, заметно повеселевший при виде вина, Степан. Перед тем, как выдернуть штопором пробку, он потер ладони. Жена собрала нехитрую снедь: бутерброды с дешевой печеночной колбасой и салом, квашенную капусту, соленые огурцы и помидоры. Он разлил ароматное вино по двухсотграммовым стаканам, себе полный, ей – половину. Чтобы не обиделась, пояснил:

– Тебе в дорогу, еще развезет от качки. А у меня, как ты сама заметила, горло луженое, любой напиток впрок.

– Не слишком без меня увлекайся и баб не води, – в который раз предупредила супруга.

– На какие шиши? Какие бабы, если я остаюсь на бобах, а они любят шампанское, цветы и шоколад...

– Есть бабы, что за рюмку самогона под любого мужика лягут.

– Я с такими не вожусь, – с гордостью заявил Пшонка. – Не забывай про Вестерн-юнион. Завяжи узелок на память, чтобы сразу отправила перевод без промедления и раскачки. Через месяц Кирюха потребует должок. Еще хорошо, что без процентов. Ну, давай вздрогнем, чтобы нам с этим богатым буржуем здорово повезло.

Они выпили, молчаливо закусили. Хмель ударил Степану в голову, он неожиданно возжелал нежности, женского тепла. Обнял ее за плечи и пропел свой любимый припев: «Ты рыбачка, я – рыбак, мы не встретимся никак...» Элка, подари мне на прощание свою любовь. Ты сейчас такая загадочная и аппетитная. Когда еще нам доведется? Живо в постельку...

– Ишь, чего захотел. Мало тебе было ночи, всю помял, аж, кости трещат. Прозрел, понял, как без меня будет тоскливо.

– Понял, жаль тебя отпускать, но другого варианта нет, – согласился он.

– У нас уже времени нет, а по-быстрому не хочу. До отправления автобуса полчаса, а еще до вокзала надо доехать, – пояснила женщина.

Он хотел наполнить ее стакан, но супруга прикрыла его сверху ладонью. Тогда Степан налил вино в свой стакан и, не смакуя, залпом выпил до дна. Эллина, бросив взгляд на настенные часы, поспешно оделась, взяла чемодан и сумку со скромными пожитками. На такси денег не было, поэтому дождались троллейбуса.

Степан проводил бывшую супругу на автовокзал. Расставание получилось трогательно-печальным. Она молчала, словно набрав воды в рот, как на поминках.

– Ладно, птичка моя, в добрый путь, – нарушил Пшонка тягостно-гнетущую паузу и прижался губами с колючей щеткой усов к ее холодной щеке.

Накрапывал, подхваченный резкими порывами ветра холодный дождь. Женщина зябко передернула плечами. Он заглянул в ее глаза, и неизвестно, слезинка или капля дождя скользнула по ее щеке. Защемило сердце, но муж не показал своей слабости, опустив голову, попросил:

– Приедешь на место, в Голландию, немедленно позвони, как он тебя встретил, где устроишься на ночлег. Будь поначалу покладистой, расположи его к себе, заслужи доверие. Но пусть он волю рукам не дает. Ты у меня умница, в медикаментах разбираешься, но гляди, чтобы без следов. Все будет хорошо, как мы задумали, заживем потом в вилле припеваючи...

– Сидела бы я дома, носки, свитер или макраме в тепле вязала, – вдруг заявила Эллина. – Черт меня куда-то несет в такую непогоду.

– Теперь уж хода назад нет, понесли затраты, залезли в долги, придется тебе отработывать, – напомнил супруг о суровой прозе жизни. – Не грусти, я буду за тебя молиться. Как только устроишься, позвони и вышли валюту по «Вестерн-юнион», чтобы я с голодухи не протянул ноги, не опух, не околел. Не скупись, твой буржуй не обеднеет. Не забывай, что мы Чабану Кирюхе должны шестьсот баксов, а долг платежом красен.

Он помог ей войти в автобус и водитель «Икаруса» от платформы вырулил машину на трассу. В последний миг Степан сквозь перечерченное потеками дождя стекло увидел печальное лицо жены, поспешно махнул ей рукой. Она обиженно отвернулась.

5

Пшонка не без хлопот отыскала в одном из тихих переулков в пригороде столицы, неказистый одноэтажный дом за ажурной металлической оградой. У ворот скромная вывеска со стрелкой-указателем МБА «Счастье без границ».

Она прошла мимо палисадника к двери. Отворила ее и оказалась в уютной прихожей с несколькими стульями для посетителей. За следующей дверью с яркими стеклами-витражами ее взору предстал офис.

Из-за стола, расположенного у окна, поднялся русоволосый, симпатичный мужчина в светлом клетчатом костюме, в синей сорочке и оранжевом галстуке. На его тщательно выбритом лице просияла белозубая улыбка. Он сделал несколько шагов навстречу посетительнице.

– Добро пожаловать, Эллина Макаровна! Я вас сразу признал по фотографии, но в жизни вы намного моложе и приятнее. Госпожа Пшонка? Очень забавно, оригинально и стильно. Есть такая еврейская присказка: легче сто раз сказать пшенка, чем один раз кукуруза, – скаламбурил мужчина и мягко пожурил. – Долго же вы, голубушка, собирались. Мы, грешным делом подумали, что вы уже нашли себе спутника жизни. Какого-нибудь олигарха или криминального авторитета, что одно другого стоит. Хотели уже снять вас с учета потенциальных невест. Очень вовремя появились, как говорится, в нужное время в нужном месте.

– Деньги, валюту искала, одалживала, – польщенная его заботой, искренне призналась Эллина.

– Ох, бедные наши женщины-красавицы, неутомимые труженицы! – воздел он руки вверх и покаялся. – Это мы, мужики, виноваты, что вы пребываете в таком униженном, рабском положении. Ну, ничего, Эллина Макаровна, не падайте духом, потерпите немного. Бог терпел и нам велел. Скоро, очень скоро вы станете состоятельной госпожой, и все проблемы канут в прошлое.

– Спасибо, очень на это рассчитываю. Надоело над каждой копеечкой трястись и отказывать себе в элементарных вещах и потребностях, – пожаловалась она. – Те же колготки постоянно приходится штопать, делать затяжки, на всем экономить.

– Вы бы позвонили, мы бы вас встретили на вокзале с цветами и в шикарном лимузине. Напрасно поскромничали, хотя эта черта характера и украшает человека. Рады видеть вас у себя в агентстве. Откровенно говоря, помышляли предложить жениху другую невесту. С претендентками проблем нет, многие девушки и дамы бальзаковского возраста, стремятся уехать за кордон в поисках счастья.

Но иностранцы такие капризные, привередливые, часто выдвигают главное условие, чтобы невеста была непорочной и красивой девицей. А такие особы сейчас большая редкость. Если невинная, так обязательно какая-нибудь кривоногая или горбатая особа, а красавицы с юных лет занимаются сексом, потому что избалованы вниманием мужиков. Стоит только девицу распечатать и пошла по рукам. Попробуй, угоди зажавшимся буржуйам. Нос воротят, перебирают харчами.

– Не от хорошей жизни бежим за границу, – призналась гостья. – Извините, задержалась по уважительной причине. Теперь все в порядке.

– Ничего, ничего, время еще терпит, – успокоил ее мужчина. Принял из рук антикварный чемодан с позеленевшими медными уголками и заклепками (предмет гордости 50-х годов), помог раздеться. Кое-где изъеденную молью норковую шапку и пальто ядовито-зеленого цвета повесил на плечиках в шкаф и жестом указал на кресло. Еще раз оценивающе оглядел гостью.

– Благодарю, – смутившись его пристального взгляда, промолвила она, присев у стола. Обратила внимание на красивую девушку-брюнетку, сидевшую перед монитором компьютера за клавиатурой. Одна рука с тонкими и длинными, как у пианистки пальцами, на кнопках, другая – на мышке. На оклеенных золотистыми обоями стенах электронные часы и множество плакатов с видами архитектурных достопримечательностей и живописными пейзажами.

На столах в вазах – розы, хризантемы и гвоздики. Скромный интерьер офиса не произвел на Эллину особого впечатления. Мужчина прочитал это в ее глазах и поторопился с объяснениями.

– Меня зовут Виленом Ильичем, – представился он. – Я – главный агент фирмы, а мою помощницу величают Жанной...

Лицо девушки на миг озарила очаровательная улыбка, и она вновь сосредоточилась на компьютере, а Пшонке неожиданно вспомнилась песня о «стюардессе по имени Жанна».

– Наше агентство, деятельность которого мы не очень афишируем, опасаясь большого наплыва клиентов, имеет свои филиалы во многих крупных городах мира, на всех континентах, за исключением Антарктиды, где кроме пингвинов и тюленей обитают лишь чудачки-полярники. Мы выполняем весьма деликатную и благородную миссию – соединяем судьбы и сердца людей, живущих за тысячи и десятки тысяч километров друг от друга, часто на разных континентах.

Этим мы помогаем нашим обездоленным женщинам, а в будущем и мужчинам, на них пока спрос невысок, обрести счастье и улучшить материальное положение. Прошло время иллюзий, когда считалось, что с милым рай в шалаше. Это совковое представление о любви, сексе и блаженстве.

Когда все мы жили за «железным занавесом», а за рубеж ездили лишь вожди, дипломаты, агенты КГБ, писатели и артисты, то смутно представляли, что есть и другая жизнь, что быть очень богатым человеком это не порок, а достоинство. Деньги дают человеку свободу и власть. Чего греха таить, уровень жизни, ее продолжительность, комфорт в цивилизованных странах намного выше, чем у нас, поэтому все подались за кордон, в США, Канаду в страны Европы.

Устраивая людей в дальнем зарубежье, мы боремся с таким страшным явлением, как одиночество, бедность, предотвращаем человеческие трагедии – суицид, неврозы и другие пороки, порожденные безысходностью, тупиковыми ситуациями.

«Верно и очень толкового, откровенно говорит и я с ним в этом солидарна, – подумала Пшонка, проникаясь доверием к главному агенту. – Сразу видно, что высокообразованный, продвинутый. Неучу-барану, такое деликатное дело не поручат».

– Это, уважаемая Эллина Макаровна, своего рода народная дипломатия в самой пикантной интимно-брачной сфере. Мы прочными узами крепим дружбу между народами. Вы скоро сами убедитесь в этом. Что может быть важнее и прекраснее этой миссии. Политики развязывают войны и конфликты, а мы умирняем агрессию, – умиротворенно звучал голос Вилена Ильича.

– Это очень благородно и гуманно с вашей стороны, – поддержала его патетику Эллина.

– К нам поступает информация со всего мира, – продолжил он. – Непросто, очень непросто из тысячи клиентов подобрать гармоничную во всех отношениях, по всем параметрам супружескую пару, и нам это удается. От тех, кто с нашей помощью обрел счастье, а у нас есть их семейные фотографии и письма, одни благодарности, крупные гонорары и презенты за услугу. Поэтому это вдохновляет, мы работаем с душой, от всего сердца, осознавая, что каждый человек – это неповторимая индивидуальность, яркая, легкоранимая личность.

Вы достигли такого возраста, когда надо срочно выходить замуж, не за горами климакс, неврозы и прочие по женской части проблемы. Каждая женщина мечтает о счастье материнства. Ее главное предназначение на земле рождение ребенка и не одного. В вашем конкретном случае следует торопиться. Не пожалеете, что предпочли наше агентство другим, где работают халтурщики и мошенники. Верно, говорю, Жанна?

– Верно, Вилен Ильич, – откликнулась брюнетка.

– Итак, любезная Эллина Макаровна, – он сменил пафос на деловой тон. – От презентации к конкретному делу, у нас каждая секунда на счету. Чемодан то у вас антикварный, из сталинской эпохи. Музейная ценность, раритет. Таких изделий сейчас с огнем не сыщешь. Разве что, где-нибудь в глухом селе у древней бабки-повитухи.

– По наследству от бабушки Феклы и дедушки Герасима достался, семейная реликвия, – подтвердила Пшонка.

– Может возникнуть проблема? – продолжил он.

– Какая? – всполошилась женщина, постоянно опасаясь провала.

– Таможенники перед посадкой на самолет изымут, как народное достояние.

– Жаль, столько лет берегла.

– Впрочем, у Эдуарда Юрьевича в таможене свои люди. Договорится и пропустят. Уже были такие случаи

– Век буду благодарна! – обрадовалась она. – Я очень ценю старые вещи. С ними связаны самые светлые воспоминания детства и юности. До сих пор храню дома трофейную швейную машинку «Zinger» с ножным приводом. Она в рабочем состоянии. Хотела с собой взять, но слишком тяжелая.

– Не огорчайтесь. Когда устроитесь в Голландии, мы охотно посодействуем пересылке машинки на ваше новое место жительства. Я ценю ваши художественно-эстетические вкусы, любовь к историческим ценностям и живописи.

– А как же иначе, без прошлого нет настоящего и будущего, – Пшонка охотно изрела заранее заготовленную цитату.

– Вам, дорогая Эллина Макаровна, в мудрости не откажешь, – польстил Вилен Ильич. – Это признак, залог того, что все у вас и у нас получится. Будьте любезны ваш паспорт и четыреста долларов.

– Вот, пожалуйста, – засуетилась женщина, доставая из сумочки документ и валюту, тщательно спрятанную в целлофановый пакет и завернутую в носовой платок.

– Разверните, – велел он. Она развязала узел, он взял купюры и проверил каждую на свет.

– Они настоящие, – смущенно произнесла Пшонка. – Знакомый рыбак Кирюха Чабан из заграницы вернулся, привез. Он – человек надежный, не аферист, поэтому можете не сомневаться.

– Ваш любовник? – озадачил он ее вопросом.

– У меня нет и никогда не было любовников, я – недотрога, – обиделась она.

– Значит девственница, не целованная, непорочная? Однако странно, что такая красивая и соблазнительная девушка до сих пор без спутника жизни, – озабоченно произнес Вилен Ильич. – Неужели не было романов, свиданий, поцелуев, охов-вздохов?

– Конечно, были, но я девушка строгих нравов и правил. Кроме поцелуев ничего не позволяла. С теми, кто проявлял настойчивость, расставалась без сожаления.

– Похвально, похвально, целомудрие делает вам честь, – польстил главный агент. – И все же женщина по своей натуре более похотлива, чем мужчина, поэтому от соблазна, искушения трудно устоять. Удивляюсь и восторгаюсь, как вам удалось сохранить девичью невинность? Может вы представительница нетрадиционной ориентации, лесбиянка?

– Нет, нет, нет, – поспешно возразила Пшонка. – Я давно готова под венец, но очень скудный выбор, перевелись рыцари на белом коне. Один – тунеядец, второй – безработный, третий – алкаш. От них, что ли плодить нищету? Как завещал Омар Хайям, уж лучше быть одной, чем с кем попало.

– Верно, – с сочувствием промолвил он. – Нашим женщинам, которых по статистике больше, чем мужчин, не позавидуешь. Как правило, богатые женихи женятся на себе подобных невестах для приумножения капиталов, а бедным достаются убогие девицы. Поэтому и потянулись невесты, косяком за рубеж в поисках любви и богатства. Причем уезжают самые красивые и здоровые. Жаль, что растрачиваем генофонд, будущее страны. Но это право человека, где и с кем ему жить и детишек плодить. Наше агентство соединяет сердца, помогает осуществлению мечты о любви и счастье без границ.

– Поэтому я к вам и обратилась, – заметила Эллина.

– Даже с медицинской точки зрения воздержание от секса вредно для здоровья, провоцирует неврозы и другие психические расстройства, – продолжил он. – Ничего не поделаешь, такими нас сотворила матушка-природа. Надо бы вас показать психиатру, проверить на адекватность...

Вздвогнув, Эллина выдала себя, но агент сделал вид, что ничего не заметил. Небрежно бросив, спрятал купюры в ящик стола и дружелюбно произнес:

– Пусть вас не смущают вынужденные расходы, все потом обернется счастьем и прибылью. Это оговорено в условиях договора. Вас ждут большие приобретения, яркие, незабываемые впечатления, каскад эмоций и сладких интимных ощущений. Очень за вас рад.

Вилен Ильич, наконец, заглянул в ее паспорт, перелистал страницы.

– Слишком он у вас новый, не потертый, не замасленный, – подозрительно заметил он. – Может фальшивый?

– У меня до последнего времени был паспорт гражданки СССР, – нашлась она. – Но потребовали заменить, так как старый документ посчитали недействительным.

– Правильно сделали, – похвалил главный агент. – Хорошо, замечательно, штампа о браке нет, детей тоже, вы – свободная женщина. А ведь мне попадались аферистки с корыстными и даже преступными намерениями. Буквально накануне отъезда оформляли фиктивные разводы с мужьями, чтобы заключить брак-контракт с иностранцем, получить гражданство и завладеть его собственностью.

Таких аферисток вижу насквозь и поэтому дальше этого офиса они не уехали. Очень дорожу репутацией своей фирмы и еще ни одна пигалица не смогла обвести меня вокруг пальца. Наша служба безопасности и информации работает надежно, без проколов.

Вилен Ильич развернул листок, найденный в кожаной обложке, вперился взглядом.

– Чей это банковский счет? – строго спросил он и, вчитавшись в текст, спросил. – Кто такой Пшонка Степан Иванович? Однофамилец, муж или любовник?

– Нет, нет, – смутилась она, ощутив себя на грани разоблачения, но проявила находчивость. – Двоюродный брат. На этот счет, когда обживусь в Нидерландах, я ему на содержание старых родителей буду переводить валюту, чтобы не опухли и не околели с голоду. Сами знаете, какие у простых людей пенсии, курам на смех. Я бы и сама не подалась за рубеж, если бы не нужда, дефицит денег не заставили.

– Понимаю, понимаю души прекрасные порывы, – посочувствовал он. – Советские люди, словно цыгане, разбежались по всему свету. По статистике, уже больше двадцати миллионов падают за рубежом. Но вам, Эллина Макаровна, уготована счастливая судьба. Не многим женщинам удается встретить свою половину среди богатых банкиров и олигархов, обитающих в США, Канаде или в странах Евросоюза. Очень за вас рад.

– Вилен Ильич, возвратите мне ксерокопию с номером счета, чтобы она не затерялась, – попросила Пшонка, покоренная его доброжелательностью и сочувствием.

– У нас ничего не пропадает, все в полной сохранности, – заверил мужчина. – Перед отлетом в Амстердам все возвратим и даже вручим от фирмы бонус – 300 евро в качестве свадебного подарка. Могли бы и больше, но фирма еще не развернулась на полную мощь.

– И на том спасибо, уважаемый Вилен Ильич, – расплылась она в улыбке, довольная тем, что удалось избежать разоблачения.

С первого мгновения, лишь Пшонка появилась в офисе, он, как бывший служитель ломбарда, цепким взглядом оценил ее состоятельность, заметил золотой перстень с ярко-красным рубином и серьги с капельками того самоцвета в мочках ушей.

– Эллина Макаровна, если у вас есть платиновые, золотые и серебряные изделия или другие драгоценности, то сдайте их мне на хранение, – велел агент. – Я их задекларирую для таможи, чтобы в день отлета за рубеж не возникло проблем. Есть риск, что на границе их конфискуют.

– Кроме перстня и сережек, что на мне, ничего нет.

– Снимайте.

– Зачем?

– Однако, какая вы упертая, – повысил он голос. – Я же сказал, что могут возникнуть проблемы на таможне. Зачем нам лишние неприятности и расходы.

– Но ведь это мои личные украшения? Имею полное право, – не уступала Эллина.

– Запомните, в любой ситуации прав тот, у кого больше прав, полномочий. Ваши бездельники признают контрабандой и потом, доказывай, что ты не верблюд. А у нас все будет по закону, ни один таможенник и пограничник не придерутся. У нас свои деловые связи, канал пропуска.

Пояснения Вилена Ильича возымели действия. Она, нехотя сняла перстень и серьги и отдала их агенту. С сожалением подумала: «Надо было прислушаться к совету Степки, оставить ювелирные украшения дома. Надежно их спрятать, чтобы супруг не нашел».

Агент сложил золотые изделия в пакет, спрятал в сейф и поинтересовался:

– Мобильный телефон с вами?

– Да, как же без связи.

– Давайте! – приказал мужчина.

– Он мне нужен, – заупрямилась Пшонка.

– Не нужен. Разговоры с подругами будут вредить процессу адаптации, – пояснил Вилен Ильич. – Представьте, что вы живете в эпоху, когда телефон еще не изобрели. Из-за их отсутствия тогда никто не полез в петлю. Жили, любили, рожали детей. Перед отлетом в Амстердам верну.

Эллина смирилась, отдала аппарат «Nokia», и агент доверительно произнес:

– И все же я уверен, что не нужда, а любовь, которая не признает границ, стремление обрести спутника жизни, самые чистые и добрые побуждения позвали вас в дорогу. Для вас на первом плане не богатство, а душевные, человеческие качества избранника.

– Именно так, – подтвердила она, почувствовав смутные угрызения совести и обиду на Степана из-за того, что вынуждена кривить душой.

– Вы, наверное, себя высоко цените, слишком требовательны к женихам, поэтому до сих пор не нашли свою половину, – мягко, чтобы не обидеть, предположил Вилен Ильич.

– Выбор невелик, одни женихи пьют, не просыхая, другие – всякую гадость нюхают и колются, третьи – лентяи, нахлебники, – посетовала женщина. – Никак не могу найти своего рыцаря на белом коне.

– Нынче кони у арабских шейхов и некоторых кочевых цыган, а у банкиров и бизнесменов, шикарные лимузины и мерсы, – пояснил главный агент.

– С милым рай в шалаше, – напомнила она поговорку и дабы развеять его подозрения по поводу Степана, спросила. – Холостым мужчинам тоже оказываете услуги? Дело в том, что мой двоюродный брат, с которым вы разговаривали по телефону, мечтает жениться на богатой иностранке?

– Оказываем, но только иностранцам.

– Почему?

– Потому, что у наших мужиков имидж пьяниц, дебоширов и бабников, – сообщил главный агент. – Хотя иностранки знают, когда русский Иван под градусом, то в сексе он неутомим. Однако всех, кто прибыл к ним из бывшего Союза, считают русской мафией. Спросом пользуются только русские девушки и женщины, красивые, покладистые и выносливые.

– Да, этого нам не занимать, – согласилась Эллина.

– Не будем терять, выбирайте, – улыбнулся Вилен Ильич и подал ей две цветные фотографии. – Первый шаг всегда за женщиной. Это наивным мужчинам только кажется, что они выбирают себе жен, на самом деле все происходит наоборот.

Эта мысль пришлась ей по душе. На фотографиях были изображены мужчины с суровыми лицами. Но в облике и улыбке тонких губ одного из них она невольно ощутила какую-то скрытую иронию и даже ехидство. Напротив, лицо другого, поразительно похожее на облик Эрнеста Хэмингуэя, она не смогла вспомнить, где прежде видела подобное фото, отличалось благородством, осознанием собственного достоинства.

«Надо бы спросить о состоянии здоровья женихов, – подумала Пшонка. – На фотографиях один и другой выглядят крепышами, наверняка, равнодушными к женским прелестям. Придется жертвовать. Черт меня дернул согласиться на уговоры Степана. Но отказываться уже неудобно, дороги назад нет. Паспорт, валюту и украшения отдала. А будь, что будет, от судьбы не уйти, придется терпеть».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.